



Ю.С. Черняховская

Кризис идеального политического конструирования в современном мире и проблема восстановления проектности в стратегии развития государств

Рекомендуемая форма библиографической ссылки

Черняховская Ю.С. Кризис идеального политического конструирования в современном мире и проблема восстановления проектности в стратегии развития государств // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции (2-3 февраля 2023 г., Москва). — М.: ИПМ им. М.В.Келдыша, 2023. — С. 146-162. — <https://keldysh.ru/future/2023/9.pdf> <https://doi.org/10.20948/future-2023-9>

Кризис идеального политического конструирования в современном мире и проблема восстановления проектности в стратегии развития государств

Ю.С. Черняховская

*Центр исследований политической культуры РНИИ культурного
и природного наследия им Д.С. Лихачёва*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос нарастания кризиса стратегического проектирования в современном мире. Автор обращает внимание на то, что отказ от установки на реализацию Больших Проектов, постепенно произошедший в СССР в 1970-80 гг., обернувшийся разрушением Союзного Государства, в более широком плане запустил кризисные явления в интеллектуальной сфере во всем мире. В результате, в первую очередь, Западный мир отказался от проектного оптимистического видения будущего. На место тех или иных оптимистических видений будущего в интеллектуальной и художественной сфере стали приходить антиутопические проекты, либо рассматривающие будущее как продление во времени всех кризисов настоящего, либо в целом предполагающие лишь все апокалипсические картины.

В статье рассматриваются основные художественно-политические модели, озвучивавшиеся и утверждавшиеся в этот период а западном сознании, утрату ими рациональной проектности и оптимистического видения будущего.

Кризис оптимистического проектного видения в итоге ведет к все более судорожным реакциям Западного мира на происходящие процессы, отказу от рационального осмысления разумных проектов развития и установке на спонтанные силовые реакции, направленные на сохранение своей геополитической гегемонии.

Без воссоздания конструкторов стратегического проектного развития, подобных обеспечивавшим развитие Советского Союза, ни Россия, ни человеческая цивилизация в целом не сможет обеспечить выход из нисходящего кризисного вектора развития, утверждающегося в мире.

Ключевые слова: научно-технический романтизм, проектное развитие, прогресс, национальный суверенитет, Утопия и Антиутопия, антропологический оптимизм, СССР, Западная коалиция, социально-политический регресс

The crisis of ideal political construction in the modern world and the problem of restoring the project in the development strategy of states

Yu.S. Chernyakhovskaya

D.S.Likhachev Russian Research Institute of Natural and Cultural Heritage

Abstract. The article deals with the issue of the growing crisis of strategic design in the modern world. The author draws attention to the fact that the rejection of the installation for the implementation of Large Projects, which gradually occurred in the USSR in 1970-80, resulting in the destruction of the Union State, more broadly launched crisis phenomena in the intellectual sphere all over the world. As a result, first of all, the Western world abandoned the project optimistic vision of the future, dystopian projects began to take the place of certain optimistic visions of the future in the intellectual and artistic sphere, either considering the future as an extension in time of all the crises of the present, or generally assuming only all apocalyptic pictures.

The author shows in the article the main artistic and political models that were voiced and approved in this period in the Western consciousness, the loss of their rational design and optimistic vision of the future.

The crisis of the optimistic project vision eventually leads to increasingly convulsive reactions of the Western world to the ongoing processes, the rejection of rational understanding of reasonable development projects and the installation of spontaneous power reactions aimed at preserving its geopolitical hegemony.

The author draws attention to the fact that without recreating the constructs of strategic project development, similar to those that ensured the development of the Soviet Union, neither Russia nor human civilization as a whole will be able to provide a way out of the downward crisis vector of development that is being established in the world.

Keywords: scientific and technical romanticism, project development, progress, national sovereignty, Utopia and Dystopia, anthropological optimism, USSR, Western coalition, socio-political regression

Мировое целеполагание и кризис проектности

Отказ от прорывного проектного развития в СССР с неизбежностью поставил вопрос о целесообразности подобного типа развития, как такового, особенно с учетом утверждавшихся в это время в Западной системе установок на «спонтанное развитие». Феномен научно-технического романтизма в полной мере был значим именно как деятельностно-волевое начало, что и позволяло ему существовать в качестве абсолютизированного субъекта, обретающего свою объективность в масштабном преобразовании мира.

Переход к спонтанному или поступательному развитию означал признание мира в целом совершенным и не нуждающимся в глобальном преобразовании. Отсюда терялся романтизм, как субъектность духа, преобра-

зующего подчиненный ему в ощущениях мир. Деятельность сводилась либо к поступательному совершенствованию, устранению недостатков, либо к ситуативной спонтанности, что означало снижение типа своего отношения к миру как к достигнутой идеальности, пребывающей в единстве с человеком. Поскольку вставал вопрос о принижении себя в отношениях с миром и отказе от эмоциональной возвышенности мироощущения, сам вектор принижения означал признание нового подчинения себя миру.

К моменту спада советского научно-технического оптимизма в 1970-е гг. страны западной коалиции оказались в состоянии глубокого морально-политического и социально-экономического кризиса, а их лидеры рассматривали свою цивилизацию как явно гаснущую и проигрывающую¹.

Фон общего кризиса западной системы предопределил ограниченность круга антитез и альтернатив, которые она могла предложить советскому научно-техническому романтизму. Среди которых:

а) переход западной футурологии к антиутопическим проектам, поиск рационального осмысления реальности через метафоры несбыточного при попытках сохранения политических идеалов и ценностей, что предлагало надежду без предложения пути ее реализации – снижая проектную альтернативистику до уровня доколумбовой эпохи, признавая мир неподвластным конструктивной деятельности человека;

б) представленные теоретические модели политического развития и прогресса в классической западной художественной футурологии, самые яркие футурологические концепции которой моделировали не состояние мира, которое нужно создать, – а, пусть и привлекательное, состояние, обещавшееся при сохранении развития в рамках существовавших тенденций.

Научно-технический романтизм своим основным содержанием был направлен на утверждение человека и возможностей его созидательной деятельности в мире, отвечая базовой потребности человека в самоактуализации. Его спад и кризис поставили под вопрос саму веру и в антропологический оптимизм, и в возможность разумной организации общества, и в возможность разрешения проблем цивилизации на основе научно-технического прогресса.

¹ Летом 1979 г., в отчаянии выступая с телевизионным обращением к нации, президент США Дж. Картер говорил: «Это кризис, который затрагивает самое сердце, душу и дух нашей национальной воли. Мы можем видеть этот кризис в растущих сомнениях в смысле нашей жизни и в утрате единства целей нашего народа. Подрыв нашей веры в будущее чреват угрозой уничтожения самого социального и политического строя Америки. <...> Впервые большинство нашего народа верит в то, что последующие пять лет будут хуже, чем последние пять лет». Дж. Картер. Выступление по телевидению 16 июля 1979 г. [1: 103]

Однако потребность в такой самоактуализации осталась прежней, вызывая поиск иных форм ее удовлетворения, среди которых можно выделить:

а) в условиях государств, рассматривавших себя как победителей в холодной войне, – попытка воссоздания художественного жанра научно-технического романтизма и его альтернатив в современной футурологии;

б) в условиях России 1990-2000 гг. – в «фантастике пути» и политических моделях развития С. Лукьяненко.

Конструкты, предложенные в интеллектуальном пространстве, образовавшемся после распада единства составных научно-технического романтизма, могут быть выделены в четыре группы:

1. Идеал лучшего состояния мира – не достижим и перемещается в пространство фантастически не сбыточного, не связанного с социально-политической практикой;

2. Идеал лучшего не в возвышенном, а в устранении низменного, в преодолении кризиса, созданного действиями людей;

3. Отказ от идеала человеческого восхождения при перемещении идеала в прошлое, либо отказ от веры в человека и замена его на более совершенные инструменты;

4. Ностальгия по ощущениям и ценностям пути преобразования мира.

Теоретические модели политического развития и модели прогресса в классической западной художественной футурологии

На фоне распада единства составных феномена научно-технического романтизма утверждается представление о том, что лучшее состояние мира достижимо – но оно заключается не в достижении идеала возвышенного, а в преодолении низменного: несовершенство мира вызвано его кризисным состоянием и ошибками человека – оно может быть устранено с преодолением кризиса и возвращением к обычному состоянию.

Динамика развития западной и отечественной фантастики в компаративном аспекте складывается достаточно асинхронно.

Фантастический бум нарастает на Западе до 1957 г., затем, по признанию многих исследователей, сходит на нет после запуска спутника в СССР. Следующий взлет начинается во второй половине 1960-х гг., когда научно-технический интерес в СССР претерпевает период трансформации.

И последний, третий всплеск интереса на Западе к фантастике будущего можно отнести к середине 1980-х гг. или позднее – к 1990-м. Он рез-

ко оканчивается в 1998 г., и представляется, что спад был не случаен и сам по себе заслуживает особого осмысления².

Всплески научно-технического романтизма на Западе достаточно эпизодичны, и трудно сказать, выходят ли они за пределы нишевости продукта. Однако очевидно, что влияние западных образцов если и не испытывает при этом вся Америка, то испытывает соответствующая ниша во всем остальном мире.

Первый из трех названных всплесков выразился в литературной форме и связан с именами таким авторов, как Р. Брэдбери, А. Азимов, Р. Хайнлайн, Р. Шекли и т.д.³

Из работ этой волны, собственно, к произведениям политико-философского уровня можно отнести работы А. Азимова, презентующего цельный проект истории будущего, в отличие от многих других авторов, не связывая его с упадком цивилизации.

Особо следует учитывать, что А. Азимов выстраивает свою историю будущего в рамках концепции глобального проекта: в условиях упадка цивилизации виднейший ученый, специалист по психоистории, выдвигает проект создания общины, которая, существуя в первые годы изолированно от имеющегося социума, сохранит его культуру, чтобы затем объединить распавшееся на части человечество.

Вторым важным аспектом представляется то, что в основу проекта спасения человеческой культуры ложится научная теория, использующая в себе математические и исторические методы, экстраполированные в будущее⁴.

Третий момент, который привлекает внимание и о котором уже говорилось ранее, – распавшаяся империя А. Азимова, представляет критическую утопию технократизма⁵.

² То есть можно сказать о том, что всплески научно-технического романтизма в целом сопутствуют периодам прорыва, независимо от конкретной географической привязки. Затем наступает период стагнации, закрепления результатов и обращения к прошлому – и упадок.

³ Надо отметить, что западная фантастика никогда не требовала четкого разделения научности и мистики, и потому в ряде случаев трудно сказать, к какому направлению относятся работы того или иного автора, например, это касается Р. Желязны, У. Ле Гуин и Ф. Герберта.

⁴ Можно было бы попытаться соотнести ее с футурологией, но это было бы не совсем верно. Футурология оперирует численными данными, статистическими и экономическими. В названии же науки, предложенной Азимовым, уже заложена ориентация на психологию, т. е. учет не только производственных мощностей, но и психологии человека, живущего среди них.

⁵ С одной стороны, А. Азимов не скрывает качеств, которые в устройстве жизни этой модели будут мало-приемлемы для многих современников, например, не самую лучшую экологическую обстановку, практически полное отсутствие у жителей Трантора до-

А. Азимов поэтапно моделирует ключевые узлы развития истории Основания. Каждый из кризисов оказывается предсказан «великим Гэри Сэлденом», каждый заложен в расчет и победа Основания в каждом противостоянии, таким образом, исторически неизбежна. Пока, наконец, в одном из кризисов случайный фактор, обоснованный в то же время, как представляется, и некими психологическими установками форсировавшего ситуацию протагониста, не сталкивает Основание с запрограммированного пути⁶.

Уже в последних работах цикла А. Азимов, обращаясь к концепции островов-препятствий, рассматривает несколько локальных антиутопий, которые, очевидно, связывает с дальнейшими возможностями развития человечества⁷.

Вторым направлением работы А. Азимова можно считать разработку трех законов робототехники, концепта известного, много раз критикованного и репрезентировавшегося⁸. Фактически А. Азимов предлагает гуманистический кодекс поведения, который, однако, оказывается свойственен только роботам, а у людей лишь вызывает подозрение в том, что соблюдающий его человек – тоже робот⁹.

ступа к рекреационным ресурсам природы. С другой стороны, Трантор при этом не становится антиутопией. А. Азимов не ставит задачу показать необходимость уничтожения этого мира. Напротив, герой его стремится на Трантор и восхищен Трантором. Но Трантор обречен в силу естественных закономерностей развития истории, и потому появляется необходимость создать «Основание», ранее упомянутую общину.

⁶ Первая часть цикла, о становлении Основания, была написана в 1944-53 гг. Последние части, «посткризисные», – в 1982-88 гг. Неизбежно напрашивается возможность сравнения глобального проекта А. Азимова с глобальным проектом, строившимся в СССР, и с последующим его поражением.

⁷ В частности одна из них – атомизированное общество, в котором каждый человек обитает в собственном особняке на расстоянии многих километров от ближайшего соседа и каждый из таких индивидов испытывает иррациональный страх перед личным, не виртуальным контактом. Написана была работа в 1980-х гг. Угроза виртуализации уже стояла, однако связывали ее с совсем иными процессами: с зарождением искусственного интеллекта и порабощением реальности виртуальной средой.

⁸ Надо, однако, сказать, что, во-первых, в целом западная традиция заимствовала у А. Азимова, скорее, саму идею искусственного интеллекта и в большинстве случаев не заимствует три закона. Во-вторых, большинство авторов, репрезентаторов и реципиентов упускают ключевую мысль цикла: оснащенный тремя законами робототехники робот постепенно становится человеком, и даже лучше человека, потому как существо, которое живет по трем этим законам, «это или робот, или очень хороший человек».

⁹ Прямой полемикой с концептом трех законов становится работа Филиппа К. Дика «Бегущий по лезвию бритвы», автор которой выдвигает важное, но, тем не менее, спорное, как представляется, различие между роботом и человеком: человек, в отличие от робота, имеет свойство к эмпатии. Спорность этого утверждения, как представляется, очевидна, однако не отметить его было бы невозможно, потому что оно до некоторой степени объясняет обратный поворот к технофобии на Западе.

Второй всплеск научно-технического романтизма на Западе в XX в. в большей степени связан с кинематографической формой подачи информации.

С одной стороны, здесь нужно упомянуть спорную с точки зрения содержания идеального конструкта, но признанную философской фантастикой работу А. Кларка и С. Кубрика «Космическая одиссея 2010». А. Кларк, формируя образ будущего, не видит в нем угрозы, однако не пытается и моделировать идеал. Напротив, с его точки зрения, человечество, овладев новыми технологиями и повысив уровень и продолжительность жизни, останется таким же. Сама способность человечества к познанию отрицается им.

В то же время несколькими годами ранее стартует многочастный цикл сериалов, фильмов, игр и книг Дж. Родденберри «Звездный путь»¹⁰.

Образ этот неразрывно связан с представлениями об американской мечте¹¹. Источником словосочетания «американская мечта»¹² принято считать исторический трактат Джеймса Адамса «Эпос Америки» (1931) [Цит. По 3: 262]: «...американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает»¹³.

«Звездный путь», моделируя конфедерацию Земли – Земное содружество, освоившее Космос, пожалуй, выносит на первый план три базовые цен-

¹⁰ На Западе эффект от выхода первых частей «Звездного пути» можно считать сравнимым с эффектом от выхода «Туманности Андромеды» в СССР. Фактически это первая всеобъемлющая модель, экстраполирующая в будущее – и в космос – позитивный образ американского проекта.

¹¹ Американская мечта – «идеал свободы или возможностей, который был сформулирован “отцами-основателями”; духовная мощь нации. Если американская система – это скелет американской политики, то американская мечта – ее душа». [2]

¹² Национальный этос США, в котором свобода включает обещание процветания и успеха для каждого, базируется на идеях Декларации независимости США о том, что люди созданы равными и наделены их творцом «определенными неотчуждаемыми правами», включая «жизнь, свободу и стремление к счастью». – Ставшее расхожим, но довольно расплывчатое определение, которое отчасти восходит к Декларации независимости 1776 г., отчасти – к трактату Дж. Адамса «Эпос Америки» (*The Epic of America*, 1931) – но употребляемое почти всеми авторами.

¹³ Еще один историк, Ф. Карпентер, писал: «Американская мечта никогда не была точно определена и, очевидно, никогда не будет определена. Она одновременно и слишком разнообразна, и слишком смутна: разные люди вкладывают разный смысл в это понятие» [4]. Значение понятия «американская мечта», таким образом, весьма расплывчато. Оно, однако, фигурирует в большинстве предвыборных выступлений кандидатов на президентский пост в США. Таким образом, можно утверждать, что концепт этот, с одной стороны, играет важную роль в массовом сознании Америки. С другой стороны, более-менее понятно, что в него входят ценности свободы, равенства, демократии и т.д. К этому ряду можно причислить более специфические, такие как «безграничные возможности».

ностные установки: – свобода выбора (каждый субъект содружества в праве определять свою внутреннюю политику самостоятельно, а представителям содружества запрещено вмешиваться во внутреннюю политику других миров Первой директивой); – познание (основной целью корабля-протагониста «Энтерпрайз» является исследование галактики, и ничего кроме этого: ни военная экспансия, ни мирное расширение границ, ни поиск ресурсов и торговых путей); – мессианство (несмотря на декларируемую цель, герои регулярно встают перед проблемой помощи цивилизациям, зашедших в тупик, и развитие сюжета построено на противоречии между внутренней потребностью помогать другим народам и Первой директивой)¹⁴.

Существенно меняются образы героев, репрезентированные в рамках второго и четвертого циклов сериала, показанных в 1987-94 и в 1995-2001 гг. Если в центре первого сериала антропологический идеал авторитарного гуманиста-офицера, то в центре второго, скорее, не военный, а энциклопедист-ученый, практически античный мудрец, много лет занимающий пост капитана корабля. При этом тенденции к полиидейности усиливаются, но в целом сериал выглядит интеллектуальной игрой, не ставящей новых ценностных проблем¹⁵.

Последняя тенденция – ностальгии по несбывшемуся будущему – вообще характерна для ряда произведений фантастики 1980-90-х гг. Аналогичную идею развивает японское аниме «Космическое путешествие» о колонизации далекой планеты.

Отчасти, хотя в меньшей степени, мотив затрагивается в культовом американском космическом сериале «Вавилон-5», своеобразным эпигра-

¹⁴ Однако свобода «Звездного пути» далеко не абсолютна. Ключевым фактором в преодолении всех трудностей, стоящих на пути экипажа, становится способность капитана корабля Джеймса Тиберия Кирка принимать авторитарные решения, не оглядываясь на противоречивые рекомендации советников: командора Спока и главного врача Леонарда МакКоя, первый из которых воплощает в себе абсолютный технократизм, а второй – гуманизм. То есть Кирк, таким образом, находится на пересечении вошедшей в зенит общественной дискуссии «физиков» и «лириков».

¹⁵ Если первые два цикла сериала стали культовыми, то третий и четвертый не имели особого успеха. Третий также не внес в общую концепцию вселенной «Звездного пути» новых идей. Зато четвертый по-своему знаменателен, в том числе и своей малой популярностью. В центре его уже идеал интеллектуала-мечтателя, скорее инженера, чем военного. Однако сам цикл пронизан свойственным романтизму настроением утраченности идеала и надежды, ностальгии по прошлому, а вернее – ностальгии по альтернативному варианту будущего, в котором космос освоен и человечество вышло на новую ступень развития. Сериал почти не предлагает новых ценностей, оставив в стороне идеи свободы, демократии и американской мечты, он полностью концентрирует внимание на мечте об экстенсивном познании Вселенной, которая не сбылась.

фом последних сезонов: «Мы мечтали о мире... но нашей мечте было не дано осуществиться»¹⁶.

Центральной темой работы М. Стражински тем не менее является не создание негативного или позитивного образа будущего Земли как таковой, а рассмотрение уже упоминавшейся проблемы взаимодействия культур, поисков основ для создания метакультуры и выявление отдельных проблем, стоящих на пути ее формирования¹⁷. Ключевая идея достаточно типична для работ, связанных с проблемой формирования метакультуры: только объединившись и сохранив культурный суверенитет каждого из субъектов договора, мы сможем противостоять хаосу. Здесь, однако, М. Стражински ставит еще один вопрос – о том, что наиболее опасно и что более приемлемо для человечества: патерналистская забота более сильной цивилизации или бесконечные войны, обусловленные концепцией «естественного отбора» как двигателя прогресса.

М. Стражински декларирует необходимость дать свободу самонавновения развивающимся цивилизациям, но, в отличие от предшественников, декларирует ее с позиций самих малых миров, т.к. вопреки обыкновению в этой роли выступает само Земное содружество и его цивилизационные «сверстники»¹⁸.

В свет успевают выйти четыре сезона сериала из запланированных пяти, когда США входит, очевидно, в некую новую эру. 1997 г. становится годом заметного перелома в американской массовой культуре, представленной в данном случае кинематографом и телеэпопеями. Помимо «Вавилон-5», профинансированного на половину следующего сезона, закрывается проект

¹⁶ «Вавилон-5», на первый взгляд, также выглядит экстраполяцией американской мечты в будущее, однако при ближайшем рассмотрении всё выглядит не так однозначно. Так, сконструированному М. Стражински миру свойственны как типичные проблемы капиталистического общества (забастовки рабочих, рост платы за аренду жилья), так и черты социального государства: газеты, к примеру, конструируются и распечатываются на основе набора характеристик, задаваемого покупателем, однако плата за них не взимается.

¹⁷ Так, в рамках отдельных сюжетов рассматриваются проблемы религиозных свобод, необходимости сохранения обычаев, содержащих угрозу для их носителей, проблемы языковых различий в диалоге культур, где под языком понимается не собственно лингвистический аспект, а проблема различного значения символов, обрядов и знаков в различных культурах.

¹⁸ Кроме того, после получения генерацией молодых цивилизаций такой возможности он переходит к следующей мысли: реформирование культуры (в глобальном смысле – всего комплекса ценностей нации) необходимо, но только тот, кто является носителем культуры, в праве реформировать ее. Любые изменения – как культурные, так и политические, – с его точки зрения, возможны только изнутри.

Sliders, заметно меняется направленность проекта *SeaQuest* (оба последних можно считать вариациями на тему научно-технического романтизма)¹⁹.

В «Вавилоне-5» одной из функций союза, олицетворившего победу метакультуры, – регулирующая деятельность по отношению к субъектам, отказавшимся вступить в союз, посредством флота Белой звезды, до того создававшегося исключительно в целях освобождения и исключительно для защиты собственного суверенитета членов союза.

Подобные повороты выглядят слишком системными, чтобы видеть в них случайность или даже простой отклик на поворот в общественных настроениях зрительской аудитории: ни один из проектов, созданных в ключе этой новой американской идеологии, не продержался на плаву более двух лет: все они, очевидно, коммерчески не оправдались, т.е. отклика у аудитории не имели. Хронологически поворот совпадает с новым экспансионистским поворотом внешней политики США²⁰.

С этим же переломным 1997 г. можно соотнести кризис концепта американской мечты как классической системы ценностей демократии и свободы и одновременно конец третьего всплеска научно-технического романтизма на Западе.

Начало 2000-х гг. связано в американской массовой культуре с ростом популярности мистики. Схожие процессы происходят и в Японии, на какое-то время обратившейся к научной фантастике в 1980-90-х гг., а затем практически отказавшейся от нее.

Зачастую отказываясь от наследия научно-технического подхода, а порой и отрицая рациональные подходы к осмыслению мира, современная философия и футурология тем не менее продолжает решать тот же круг вопросов, который занимал футурологов 1960-х гг., но с поправкой на изменение прежде эмоционально-возвышенного мироощущения и отказа от состояния абсолютизированной субъектности.

Утверждается ощущение, что попытки человека преобразовать мир на сегодня не удалась, значит либо:

¹⁹ Зато стартует ряд проектов, например «Солдаты удачи» (1998), в фокусе которых американский герой-патриот, с миссионерскими целями вторгающийся в «отсталые страны». Те проекты, которые остаются на плаву, также поворачивают в направлении развития этой идеи. В частности, *SeaQuest* – история о подводной лодке XXI в., исследующей просторы земных океанов, создается как история капитана-ученого, дауншифтера, предпочитающего общение с дельфинами экспансионистской военной службе. В 1998 г. на посту его сменяет военный, который более не испытывает таких сомнений.

²⁰ Концепт «миротворцев» – носителей самой воинственной идеологии во Вселенной и милитаристической цивилизации, лишенной собственной культуры, – раскрывает в своем сериале «На краю Вселенной» Рокни О'Бэннон, автор упомянутого и закрывшегося в 1999 г. проекта *SeaQuest*. Новый проект начинает выходить после закрытия первого в 1999 г., но уже не в США, а в Австралии.

а) идеал лучшего находится не в будущем, а в прошлом (отказ от веры в прогресс, от идеала цивилизационного восхождения);

б) человек в силу своего несовершенства не может его достичь (отказ от антропологического оптимизма), на смену ему должны прийти более совершенные инструменты (сохранение веры в научно-технический прогресс при отказе от его гуманистической составляющей),

в) социум случайно свернул с пути преобразования мира – и просто должен на нее вернуться (отказ от рациональности сциентического оптимизма).

Возможно, не случайным является постоянный отсыл «Конца истории» Ф. Фукуямы к отрицанию идеи демократии: предполагая свою трактовку окончания истории как достижения завершено-идеального состояния, он постоянно постулирует отказ от демократии как формы реализации деятельностного восхождения и развития.

Ф. Фукуяма критикует концепцию рационального государства с позиции противопоставления благосостояния и демократии. Термины, изначально использовавшиеся либеральными философами, во многом теряют смысл в его работах, т.к., говоря о демократии, Ф. Фукуяма уже не имеет в виду власть народа. Творчество Ф. Фукуямы представляется очевидным примером кризиса либеральной идеологии и ее начинающегося выпадения из реального политического дискурса²¹.

Само противопоставление идей демократии и рационализма выглядит надуманным и не столько проистекающим из естественного хода развития мировой философской мысли, сколько порожденным противостоянием двух идеологических полюсов. Свобода изначально была одним из компонентов идеальных конструктов рационализма, хотя ее ценность и стояла в иерархии ценностей ниже общественного блага. Общественное благо же подразумевает рациональное и равномерное распределение таких благ/ценностей, как свобода, благосостояние и др.²²

²¹ Он не придает большого значения частной собственности как фактору формирования рациональной экономической системы, как это делали классики либерализма. Вместо этого вводит новые ценности: человеческое достоинство, а из старых заимствует только понятие свободы, переосмысливая и его: если свобода Дж. Локка была свободой строить свою жизнь в соответствии с собственной выгодой, то свобода Фукуямы абстрактна, основана не столько на возможности самостоятельной деятельности, сколько на признании самого принципа, права на такую деятельность.

²² Наиболее правомерным аргументом неолибералов XX в. против рационального устройства общества является критика авторитаризма, основанная на выражаемом ими недоверии к единоличной власти. Однако власть множества затрудняет эффективное принятие оперативных решений, о чем писал в своих разработках еще К.А. Сен-Симон. Именно это стало причиной того, что в смоделированном им конструкте он сохраняет устаревший, казалось бы, институт наследственной монархии. Однако дискус-

Следует отметить, что Ф. Фукуяма, проводя анализ новых политических тенденций, связанных с историей индустриального общества, также отмечает особую роль научно-технического прогресса в прогрессе социальном, в силу как требований военных соображений, так и роста производительности производства²³. Однако, как следует из сказанного выше, считает, что развитие науки приведет к формированию общества неограниченного потребления, опасность чего рассматривалась еще классиками советского научно-технического романтизма. Но если Ф. Фукуяма, как это свойственно либеральным критикам утопии, лишь отмечает негативные тенденции, то последние активно занимались поиском альтернатив [5: 12]²⁴.

Происходит подмена понятий: наименование общества победившего либерализма, которое Ф. Фукуяма трактует как конечную точку истории у Г.В. Гегеля, Фукуяма присваивает обществу потребления, ценности которого (или отсутствие) победили по всему миру на рубеже XX-XXI вв.

Ф. Фукуяма, выступая против унифицированной, с точки зрения либерально настроенных аналитиков, советской системы, одновременно призывал к полной культурной и политической унификации²⁵. Таким образом, несмотря на то, что его концепция была выдвинута в начале 1990-х гг., а окончательно сформулирована только к началу 2000-х, она представляется менее зрелой, чем концепция научно-технического романтизма, сформулированная уже в 1960-х гг., т.к. наряду с ранее упомянутыми альтернати-

сия о власти авторитарной и демократической при всей ее значимости выходит за рамки темы данной статьи.

²³ «Развитие современной науки оказало единообразное воздействие на все общества, где оно происходило, и причин этому две. Во-первых, техника обеспечивает определенные военные преимущества стране, которая ею владеет, а, учитывая постоянную возможность войны в международных делах, ни одно государство, дорожащее своей независимостью, не может пренебречь необходимостью модернизации обороны. Во-вторых, современная наука создает единообразный простор для роста экономической производительности. Техника открывает возможность неограниченного накопления богатств, и тем самым – удовлетворения вечно растущих желаний человека» [5: 7].

²⁴ Ограниченность теории Ф. Фукуямы состоит в его строго негативной оценке советского исторического опыта, который он ставит в один ряд с опытом германского фашизма.

²⁵ «Все страны, подвергшиеся экономической модернизации, должны весьма походить друг на друга: в них должно существовать национальное единение на базе централизованного государства, они урбанизируются, заменяют традиционные формы организации общества вроде племени, секты и клана экономически рациональными формами, основанными на функции и эффективности, и обеспечивают своим гражданам универсальное образование» [5: 13].

вами общества потребления не учитывает и сформулированный ранее в рамках научно-технического романтизма концепт метакультуры²⁶.

Ф. Фукуяма признаёт свое бессилие²⁷ перед тем же вопросом, который поставили и на который за 30 лет до него отвечали представители научно-технического романтизма: как, преодолев недостаток материальных благ, перейти к обществу не потребления, но доминирования постматериальных ценностей, будь то познание или свобода.

Западные футурологи на сегодняшний день заняты вопросами последствий создания искусственного интеллекта и трактуют их традиционно по большей части в негативном ключе, в этом направлении работают также Б. Джой [6] и Э. Дрекслер [7].

Среди западных технократических оптимистов, тем не менее, можно выделить Р. Курцвейла [8]. Как футуролог он известен научными технологическими прогнозами, учитывающими появление искусственного интеллекта и средств радикального продления жизни людей. Согласно Курцвейлу, в будущем человечество достигнет почти неограниченного материального изобилия, а люди могут стать бессмертными. Он также дал обоснование технологической сингулярности – феноменально быстрого научно-технического прогресса, основанного на мощном искусственном интеллекте (превосходящем человеческий) и киборгизации людей²⁸.

Таким образом, относительно успешно преодолев кризисы, предсказанные футурологами 1960-х гг., западные прогнозисты перешли к поиску новых угроз.

Кардинально в другом ключе размышляет западный философ и футуролог Эрвин Ласло [9]. В ряде своих книг он показывал, что существует два варианта развития событий в связи с системным кризисом, охватыва-

²⁶ «То, что наиболее развитые страны мира являются также наиболее успешными демократиями, – общеизвестный факт», – пишет Ф. Фукуяма, однако спорность этого факта чем далее, тем более проявляет себя. Если в XX в. еще можно было говорить о стремлении западного мира к демократии, по крайней мере на идейном уровне, то сегодня его милитаристские, антидемократические устремления становятся всё более очевидны, а сам факт наличия «власти народа» (*demos* – народ, *kratos* – власть) в условиях тотального доминирования корпораций-олигополий всё более спорен.

²⁷ «Но, хотя современная наука и приводит нас к вратам Земли обетованной либеральной демократии, в саму эту землю она нас не вводит, поскольку нет никакой экономически необходимой причины, чтобы развитая промышленность порождала политическую свободу» [5:13].

²⁸ Курцвейл предсказывает наступление технологической сингулярности в 2045 г. В это время вся Земля начнет превращаться в один гигантский компьютер, и постепенно этот процесс может распространиться на всю Вселенную. Природа сингулярности такова, что более конкретные прогнозы на период после 2045 г. сделать затруднительно.

ющим весь мир, и рассматривал период 2012-20 гг. как критическое время для предстоящей трансформации.

Концепция макрошифта Э. Ласло является своеобразным выходом на проблему метакультуры с позиции нивелирования различий по признаку государства-нации, установившегося в XIX – начале XX вв. и имеет много общего с концепцией метакультуры, выдвинутой М. Стражински в «Вавилоне-5»²⁹. Однако формулировка Э. Ласло о «негосударственных организациях» провоцирует ряд сомнений относительно осуществимости уже обоих прогнозов, а также относительно новизны ситуации: подобные негосударственные организации возникали и ранее (орден тамплиеров) и именно в силу того, что несли угрозу государственным формированиям, подвергались уничтожению³⁰.

В результате можно сделать вывод, что после деструкции политико-философского феномена научно-технического романтизма в СССР ни в стране, ни в мире не возник конструкт с аналогичными свойствами: ориентацией на создание нового мира и существенным мотивационным эмоциональным воздействием.

Отчасти это было вызвано общей тенденцией утверждения ориентации на спонтанное развитие, отчасти – возникшим после деструкции этого феномена в СССР сомнением в перспективности подобного конструкта. Создаваемые на Западе футурологические конструкты даже в оптимистических сценариях будущего были сориентированы не на преобразование мира, а на прогноз вероятности его спонтанного улучшения, а этап техно-оптимизма на Западе быстро сменяется техно-пессимизмом.

Существовавшая на этот момент традиция западной художественной футурологии практически с начала XX в. ориентировалась не на проекты создания нового мира, а либо на оптимистические трактовки перспектив существующего, предполагающие, что лучшее состояние мира достижимо, но связано не с утверждением возвышенного, а с преодолением низменного, либо на создание антиутопий (как в литературе, так и в кинематографе), начинающих доминировать в условиях кризисного развития западного мира 1950-70-х гг. Интенции надежды и позитивного идеального конструирования начинают переноситься из художественно-футурологической сферы в жанр фэнтези, то есть попытки сохранения и воспроизводства поли-

²⁹ В последнем объединение культур происходит на основе негосударственного гуманистического союза, который впоследствии обретает большее влияние, чем правительства отдельных государств.

³⁰ В то же время европейская практика знакома и с многовековым господством такой негосударственной организации, как католическая церковь. А кроме того, можно предположить, что на очередном этапе синтеза подобные негосударственные организации выйдут на новый уровень и «довершат начатое».

тических идеалов и ценностей переносятся в заведомо несбыточное пространство, признаваясь недостижимыми в реальном мире.

В отдельных случаях (М. Уэйс и Т. Хикмен) делаются попытки хотя и в метафорах несбыточного, но сохранить в рационалистической интерпретации спектр позитивно-возвышающих ценностей. Другой попыткой решения этой задачи становится переиздание в 1970-е гг. книг Дж. Толкиена с их обращением к анализу власти и миропреобразования.

Последний всплеск оптимистической фантастики будущего можно отнести к 1980-90-м гг., резко оканчивающийся к 1998 г., когда надежды на гармоничный мир, отразившиеся в киноэпопее «Вавилон-5», сменились разочарованием от войн на Балканах.

Как можно увидеть, после деструкции научно-технического романтизма в СССР в альтернативной футурологии и аналитике утвердились своего рода «уменьшительные» трактовки идеалов лучшего: перенос идеала в прошлое (отказ от прогресса); признание его недостижимости в силу порочности человека с надеждой улучшить мир на пути технократизма (отказ от антропологического оптимизма), случайности отказа от пути преобразования мира с надеждой на него вернуться (отказ от рациональности социального сциентизма).

Особняком на этом фоне сохраняется остаточная нота в современной российской фантастике, признающая важность сохранения ценностей прошлого движения по пути идеалов возвышенного, вне зависимости от оценки достижимости последних, что можно увидеть в художественно-политических произведениях С. Лукьяненко.

Итог

В итоге можно сказать, что интеллектуальные альтернативы научно-техническому романтизму на сегодняшний день приобретают весьма специфические и в чем-то, возможно, имитационные формы. И в значительной степени сведены к попыткам решения задач, которые самим научно-техническим романтизмом были решены много лет назад. Однако основными объединяющими их чертами оказываются:

1. Утрата состояния абсолютизированного субъекта, постигающего свою свободу и самостоятельность;
2. Отказ от признания мира подвластным воле человека;
3. Отказ от претензии на глобальное преобразование мира;
4. Утрата состояния эмоционально-возвышенного мироощущения и принятия антропологического оптимизма;
5. Отказ от идеала цивилизационного восхождения.

Распад единства составных политико-философского феномена научно-технического романтизма обернулся определенным политико-философским и интеллектуально-прогностическим кризисом, и на сегодня не появилось аналогичного феномена, способного к адекватному и комплексному выпол-

нению исполнявшихся им системных функций, в частности – интеграции, целеполагания, адаптации и сохранения базовых ценностей социума.

Именно после спада научно-технического романтизма в 1970-е гг. восходящее развитие цивилизации сначала сменилось стагнацией, затем вступлением в фазу запуска исторического регресса, а ход событий в мире приобрел достаточно тревожные черты.

Вполне естественно предположить, что решить эти проблемы можно либо именно на пути возрождения самого научно-технического романтизма, либо на пути создания некоей действенной политико-философской альтернативы, способной выполнять функции, ранее исполнявшиеся данным феноменом.

Отсюда подобная реинкарнация, трансформация либо замена должны оказаться способны решать как минимум две проблемы и задачи, успешно решавшиеся в XX в. научно-техническим романтизмом:

а) выполнить роль, которую играла политическая философия научно-технического романтизма как метод конструирования будущего;

б) решить, для России в первую очередь, проблему создания эффективного и привлекательного мобилизационно-легитимизирующего проекта.

Литература

1. *Доброхотов Л.Н.* Джордж Кеннан: Печальный пророк трагической эпохи. – М. ИСПИ-РАН, 2014.
2. *Safire's New Political Dictionary.* Random House, New York, 1993
3. *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология». – М. Научный эксперт, 2012.
4. *Carpenter F.* American Literature and the American Dream. N.Y., 1955. P.3. Цит. по: *Шестаков В.П.* «Американская мечта» и моральный кризис // США: Экономика, политика, идеология. 1979, №2, с.25.
5. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2015.
6. *Joy B.* Why the future doesn't need us // *Wired.* 2000. Apr. Vol. 8. № 4.
7. *Drexler K.E.* Engines of creation 2.0: The Coming era of nanotechnology. http://fenetic.net/pub/EnginesofCreation2_8803267.pdf
8. *Курицевил Р.* Эволюция разума. М. Эксмо, 2015.
9. *Ласло Э.* Макродвиг: К устойчивости мира курсом перемен. – Тайдекс Ко, 2004.